

3) сегментация политического рынка [7].

Для удобства построим программу примерного политико-маркетингового исследования, взяв в качестве анализируемой проблемы межнациональные конфликты (рисунок 2).

Коротко рассмотрим другие популярные методы прикладной политологии. *Case-study* в политическом менеджменте использует описание реальных политико-управленческих и бизнес-ситуаций. Исходя из принципа ситуационности, кейсы руководствуются реальным политико-управленческим материалом и приближены к реальной ситуации. Подход помогает исследователю проанализировать ситуацию, разобраться в сути проблем политического управления, предложить потенциальные решения и выбрать лучшее из них.

Брейнсторминг представляет собой групповую экспертизу, особо эффективную при выработке и оценке политико-управленческого решения. Большая роль отведена ведущему, следящему за соблюдением правил аналитической процедуры. Подход предполагает следующие принципы: свободу выбора, отсутствие критики, креативность, объединение идей. И если на первом этапе брейнсторминга эксперты предлагают любые политико-управленческие решения, то на втором этапе происходит критика предложенного и готовится окончательное решение.

Выводы

Таким образом, политический менеджмент как вид прикладной политологии имеет большое значение в современном процессе политической социализации обучающихся. Его богатая, разнообразная методология призвана снабдить молодого специалиста тем гуманитарным инструментарием, который поможет ему разобраться в объективности обширной политической информации.

Методология политического менеджмента на занятиях по прикладной политологии способна дать импульс дальнейшей политической социализации обучаемых, увеличить гражданскую ответственность и уменьшить их политический абсентеизм.

Литература

1. Абрамов А.В. Политический институт и политическая институционализация: определение понятий // Власть, 2010. №5.
2. Егоров В.Г. Постсоветское пространство как предмет научного осмысления // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer, 2011. Т. 260. №9.
3. Постников Н.Д. Бархатные революции в Польше, ГДР, Чехословакии. Хроника событий // Вестник Ассоциации ВУЗов туризма и сервиса. 2010, № 3. С. 21-29.
4. Рыбина М.В., Федорченко С.Н. Электоральные технологии политического менеджмента // Известия МГТУ «МАМИ», 2012. №2(14). Т. 3.
5. Федорченко С.Н. Современные технологии политического менеджмента. М.: МГОУ, 2012.
6. Lees-Marshment J. The Political Marketing Revolution. Manchester: Manchester University Press, 2004.
7. Lindon D. Marketing politique et social. Paris, 1976.

Лингвосемиотика комического в англоязычном сказочном дискурсе

к.филол.н. доц. Плахова О.А.

Тольяттинский государственный университет

8(8482)53-92-93, plahova_oa@mail.ru

Аннотация. В работе комическое как форма манифестации области чудесного наблюдается в новеллистических сказках, сказках-анекдотах и небылицах. Репрезентируемая в рамках комического конфронтация претерпевает трансформацию от экзистенциальной к социальной, представляя собой движение от конфликта между социальным и природным, человеческим и сверхъестественным к конфликту собственно социальному, в основе которого лежит идея социальной справедливости. Важнейшими семиотическими средствами актуализации комического

аспекта сверхъестественного в англоязычном сказочном дискурсе являются знаки акционального, манипулятивного, аудитивного и эзотерического кодов.

Ключевые слова: английская народная культура, мифологическое сознание, картина мира, лингвосемиотика, категория комического, категория чудесного, сверхъестественное, культурный код, языковой знак

Интерес к категории комического не исчерпывается философско-эстетическим подходом, поскольку вопросы комического, соотносимого с разными сферами человеческого существования, остаются актуальными для психологии, антропологии, психиатрии, фольклористики, литературоведения, лингвистики. Пристальное внимание современными исследователями уделяется формам проявления комического в музыкальном, художественном, театральном и др. дискурсах [3, 5, 8, 9]. Интересным представляются разграничение категорий смешного и комического; систематизация существующих теорий комического в истории философии и когнитивистике; дескрипция когнитивных и семантических механизмов актуализации комического у реципиента [7, 10].

Сущность комического в той или иной степени отражается в существующих теориях комического, сводимых к трем основным типам: 1) теории превосходства субъекта комического переживания над объектом; 2) теории несоответствия ожидаемого реальному результату и 3) теории высвобождения психической энергии [7, с. 175].

Статус комического амбивалентен, поскольку в формальном и содержательном отношении данную категорию соотносят с категориями возвышенного или трагического. Полярность возвышенного и комического состоит в том, что, как и возвышенное, комическое предполагает нарушение меры. В случае возвышенного нарушенное равновесие восстанавливается посредством категории трагического. В отношении комического же принято говорить о существовании дисгармонии, обусловленной превосходством над объектом насмешки, и эта дисгармония является источником эстетического переживания [4, с. 158].

Отдельные исследователи указывают на условность связи комического и трагического, объясняя их устойчивую корреляцию происхождением от двух древних жанров драматического искусства [2, с. 230]. На наш взгляд, более аргументированной представляется позиция исследователей, объединяющих данные категории в диадку по типу конфликта. В трагическом конфликте противоборствующие силы приблизительно равны. Комическое же строится на противоречии «кажущегося и сущего, ничтожного содержания и претенциозной формы, ложного пафоса и малозначительного предмета», сопровождающимся отрицанием чего-либо кажущегося, ничтожного и малозначительного [4, с. 158]. Именно тип конфликта и определяет сущностные свойства категории, в которой посредством интеллектуально-смысловой игры, вызывающей смех, происходит разоблачение какого-либо фрагмента действительности, претендующего на нечто более значительное, идеальное, чем позволяет его природа, с позиции этого идеального [2, с. 236].

Смех в сказочном дискурсе не является исключительной принадлежностью комического. Наряду с разнообразными семиотическими единицами аудитивного кода (крики, стоны, вздохи, невнятная речь, шумы, шорохи и т. д.) смех становится важным средством означивания категории ужасного. Появление сверхъестественных существ может сопровождаться смехом, характеристики которого недвусмысленно соотносят его носителей с потусторонним миром и эксплицируют их демоническую природу: *unearthly laugh; a horrid derisive laugh; an impish laugh, which rang in his ears for days afterwards; a smothered laugh; a small shrill voice was heard above all the rest ... joining in with the laughter; the small shrill laugh; this strange laughter.*

Между тем, смех как черта комического представляет собой кардинально противоположное явление. Ю. Б. Боров называет такой смех гармонией, возникающей вопреки хаосу, гармонизацией хаоса, поскольку он рождается как «радость вопреки злу и часто по поводу зла во имя его ниспровержения» [1, с. 94]. Страх отступает, как только человек начинает использовать смех в качестве оружия против пугающих его сил. Смеховая реакция помогает преодолеть психологические стрессы и невзгоды, сохранить душевное равновесие и оптимизм.

стический взгляд на жизнь. Смеясь, индивид возвышает себя над ситуацией, занимает доминирующее положение, подчиняя себе силы, ранее пугавшие его, и ощущая в себе готовность к их преобразованию.

Враждебность сверхъестественных существ превращается в безобидные шалости, сродни детским, при перемене отношения к ним героя. Безопасности его жизни уже ничто не угрожает, а любые материальные трансфигурации мифологического персонажа воспринимаются через призму открывающихся посредством них возможностей изменения жизни к лучшему, передаваемых знаками акционального и манипулятивного кодов (*I could buy a grand house and all, and live like the Queen herself, and not do a stroke of work all day, but just sit by the fire with a cup of tea; or maybe I'll give it to the priest to keep for me, and get a piece as I'm wanting*). Предоставляемые человеку средства преобразования ситуации чудесного происхождения манифестируются посредством обозначений артефактов, металлов и минералов, которые коррелируют со знаками удачи, благоприятного развития и позитивных эмоций:

- a big black *pot*; the yellow *gold*; a *pot of gold* → wondering at her *good luck*; I do be *feeling rich and grand*! I *feel so grand*, I don't know myself rightly!
- a great lump of shining *silver* → that's a *change for the better*; it'll be far less trouble to look after, and none so easy stolen; *cheerfully planning all the grand things* she was going to do with her money;
- a lump o' *iron* → it's just real *convenient*! she trotted again *chuckling to herself on her good luck*;
- a great *stone* → Ay, if that isn't a *good change*! Hinny, it's a *fine thing to have such good luck* ('The Hedley Kow') [13].

Потеря благоговейного страха перед мифологическими существами приводит к уничтожению последних. Парализующий ужас при встрече с ними уступает место насмешке и некоторой издевке, демонстрирующим превосходство человеческого над сверхъестественным и утверждающим безусловное господство человека в отвоеванном у природы и преобразованном им мире. Референты области чудесного утрачивают власть и силу, становясь беспомощными и легко побеждаемыми в ситуациях столкновения с человеком. Так, глубокой ночью потерявший бдительность фейри получает от приходского священника заряд каменной соли в незащищенное место. Уснувшая округа внезапно оглашается истошными криками, а высыпавшие на улицу разбуженные жители лишь видят пастора, с азартом преследующего кого-то. Сверхъестественное существо не нападает, а спасается бегством, и для его подавления не нужно более магических ритуалов и религиозных церемоний, с ним можно справиться посредством обычного дробовика. Комизм ситуации обусловлен высокой динамичностью событий, репрезентированных процессивными знаками, вводящими аудитивный, акциональный и манипулятивный семиотические коды: Well, the *screech* that fairy gave woke everybody up in the neighbourhood. <...> ...the fairy who'd had a dose of rock salt in her buttocks saw something coming the other way. Her gave a scream, and run down the churchyard. The parson followed her... ('A Cure for a Fairy') [6, с. 147].

Низвержение сверхъестественных существ и осознание человеком собственных сил есть следствие культурно-исторического развития человеческого общества. Разоблачение мнимых значительности и всемогущества референтов мира чудесного и обнажение их истинной сущности, бессильной перед интеллектуальной мощью человека, являются важной составляющей содержания комического в сказочном нарративе. Магия сверхъестественных существ не выдерживает натиска неистощимой изобретательности, находчивости и смекалки человека (the *canny* earth-tiller; his *crafty* antagonist; the *crafty* farmer). Победа героя-человека, обычного крестьянина-труженика, свидетельствует об абсолютной экспансии «реального» мира и «выдавливании» из себя всего непознанного и необъяснимого. В превосходстве человека отражается превосходство социума над природой, социума, существующего и функционирующего на качественно иной основе, неприемлемой для сверхъестественных существ: The farmer proposes an appeal to the law, but boggart will have naught to do wi' law, which has never yet done him justice... ('The Farmer and the Boggart') [11, с. 145].

Комическое в таких случаях эксплицирует себя в противоречии между импозантным, внушающим страх внешним обликом и интеллектуальной слабостью сверхъестественного существа, которая подчеркивает беспочвенную претенциозность референта мира чудесного и девальвирует его значимость в глазах индивида «реального» мира. Конфликт физической силы и глупости квазиреферента репрезентируется:

- знаками-контрактами: *the poor Bogie is obliged to content himself with the stubble; they came to an arrangement by agreeing to divide its produce between them; the Bogie, finding he had made such an unfortunate selection in the bottoms, chose the 'tops'; suggests that they should share the produce equally; wilt thou tek what grows above ground, or what grows beneath ground?; he arranges to take what grows above ground; the boggart comes at harvest-time to claim his share; he agrees to take all that grows beneath ground for next season; the Boggard ... could not deny that the agreement had been kept;*
- процессивными знаками акционального и манипулятивного кодов: *outwitting the simple claimant; outwitting the Bogie; the farmer reaped the reward of his artifice; the Bogie agrees to hazard his claims on a mowing match; gradually did the Boggard realize he had been tricked;*
- знаками-объективами глуттонического, вегетативного и артефактного кодов: *a number of iron bars ... which he takes to be some hard species of dock; the farmer promptly sets potatoes; he gets nothing but the haulms and twitch; the farmer sows wheat; the farmer gets corn and straw, and nought is left for boggart but the stubble;*
- квалификативными знаками, прямо номинирующими умственные способности и эмоциональное состояние сверхъестественного существа: *the simple claimant; the unsuspecting goblin; the poor Bogie; in a tone of despair; said the despairing Bogie; gradually did the Boggard realize he had been tricked; the Boggard was angry and puzzled;*
- квалификативными знаками параметрического и нумерологического кодов, обозначающими мощь мифологического персонажа: *a squat hairy man, strong as a six-year old horse, and with arms almost as long as tackle-poles.*

Постепенно в сказочном дискурсе конфликт между человеческим и сверхъестественным меняет свои сущностные характеристики, перерастая из экзистенциального в чисто социальный. Антагонистом изобретательного героя становится не мифологический персонаж, а глупец, не выдерживающий интеллектуального состязания с протагонистом и остающийся в наказание за непроходимую глупость без денег или домашнего имущества. Их забирает находчивый герой в награду за свою смекалку.

Чудесное в такой ситуации может играть роль средства плутовства, представляя мир, в который все еще верит глупец, но над которым смеется протагонист. Область чудесного в деталях воспроизводит образ жизни человеческого сообщества за счет знаков, соотносимых с профессиональной, финансовой и кулинарной сферами: *he cobbles old shoes, and he has nothing but cabbage for victuals; he was out of leather, and his pockets were empty, so you were to send him a few shillings to buy a fresh stock of leather* ('Jack Hannaford') [12]. Чудесное в сказках подобного типа отражает не мифологические, а более поздние религиозные представления и структурируется средствами, формирующими лингвосемиотическое пространство христианства. Эзотерическая семиотика репрезентирована в сказочном нарративе знаками-локативами (*Paradise; looked up into the sky, and pointed heavenwards with the other hand.*), персоналиями (*to buy him leather for cobbling the shoes of the saints and angels of heaven*) и процессивами (*A man going straight up into the sky, as if he were walking on a road; and you'll see a man flying away from you*).

Наивысшей степени комическое переосмысление чудесного достигает в небылицах, в которых чудесный мир строится исключительно на нарушении законов логики, поражая воображение своей необычностью, абсурдностью, нелепостью. Для народного художественного сознания доминантой категории чудесного становится не сверхъестественность или непознаваемость явления, а его необычность, нестандартность, неспособность вписаться в рамки принятых социумом эталонов. Именно столкновение с реальностью, столь непохожей на окружающую, непредсказуемой, пробуждающей работу человеческой мысли и включающей

ее в интеллектуальную игру, рождает эффект комического.

Вместе с тем, чудесное в небылицах сохраняет отдельные архаические черты, роднящие его с чудесами волшебных сказок, легенд и быличек. В отдельных случаях героями небылиц выступают мифологические персонажи, получившие широкое распространение в английской народной культуре (this Sir G. Vans was *a giant*, and a bottle-maker). Несмотря на приобщение их к типично человеческой деятельности, сверхъестественные существа сохраняют свойство полиморфизма, проявляющееся в смене личины или размеров (all *giants* who are bottle-makers *usually pop out of a little thumb-bottle* from behind the door).

Чудесные предметы, находящиеся во владении сверхъестественного существа, приобретают вид диковин (the curiosities), обладающих необычными свойствами (a fox hatching eagle's eggs; the hare which the dog killed yesterday alive in the basket). Как и в волшебной сказке, их добывают для удовлетворения потребностей в «реальном» мире: ...however, I found it again in the hollow of a tree. I felt it; it felt clammy. I smelt it; it smelt honey. 'Oh, ho,' said I, 'here's a bee's nest,' when out sprang a covey of partridges. I shot at them; some say I killed eighteen; but I am sure I killed thirty-six, besides a dead salmon which was flying over the bridge, of which I made the best apple-pie I ever tasted ('Sir Gammer Vans') [13].

Выводы

Таким образом, комическое как форма манифестации чудесного наблюдается в новеллистических сказках, сказках-анекдотах и небылицах. Представленный в рамках комического конфликт претерпевает трансформацию от экзистенциального к социальному. Противоборство между социальным и природным, человеческим и сверхъестественным, профанным и сакральным уступает место конфликту социальному, в основе которого лежит идея социальной справедливости. Истинным богатством, обеспечивающим прижизненное процветание, считаются ум, смекалка, находчивость, а плутовство протагониста сродни волшебному средству приобретения материальных благ. Важнейшими семиотическими средствами репрезентации комического аспекта области чудесного являются знаки акционального, манипулятивного, аудитивного и эзотерического кодов.

Литература

1. Боров Ю.Б. Эстетика [Текст] / Ю.Б. Боров. – М.: Высшая школа, 2002. – 511 с.
2. Бычков В.В. Эстетика [Текст] / В.В. Бычков. – М.: Гардарики, 2004. – 556 с.
3. Коробова А.Г. Комическое как модальность художественного текста и ее проявления в музыке [Текст] / А.Г. Коробова // Проблемы музыкальной науки. 2009. № 2(5). с. 135-142.
4. Куренкова Р.А. Эстетика: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений [Текст] / Р.А. Куренкова. – М.: ВЛАДОС – ПРЕСС, 2003. – 368 с.
5. Лаврова Н.А. О комическом и некоторых языковых шутках [Текст] / Н.А. Лаврова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2010. № 8. с. 207-211.
6. Народные сказки Британских островов. Сборник [Текст] / Сост. Дж. Риордан. – М.: Радуга, 1987. – 368 с.
7. Нухов С.Ж. Языковая игра как одна из форм проявления общеэстетической категории комического [Текст] / С.Ж. Нухов // Вестник Башкирского университета. 2012. Т. 17. № 1. с. 171-178.
8. Понкратова Е.М. Смех и комическое в творчестве Ф.М. Достоевского: о некоторых особенностях эстетики писателя [Текст] / Е.М. Понкратова // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 349. с. 19-22.
9. Сурина В.Н. Категория комического в дискурсе лимерика [Текст] / В.Н. Сурина // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2011. № 1. с. 110-115.
10. Уткина А.В. Обоснование когнитивного подхода к категории комического [Текст] / А.В. Уткина // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2007. № 2. с. 123-125.
11. Briggs K.M. British Folk-Tales and Legends: A Sampler [Text] / K.M. Briggs. – London & New York: Routledge Classics, 2002. – 373 p.
12. Jacobs J. English Fairy Tales [Electronic resource] / J. Jacobs. – London: David Nutt, 1890. Pe-

жим доступа: www.sacred-texts.com/neu/eng/eft/index.htm (Последнее обращение 16.03.2004).

13. Jacobs J. More English Fairy Tales [Electronic resource] / J. Jacobs. – London: David Nutt, 1894. Режим доступа: www.sacred-texts.com/neu/eng/meft/index.htm (Последнее обращение 16.03.2004).

Особенности изучения философии и социологии студентами технических специальностей

к.ф.н. доц. Худолей С.С., Матисов С.К.
Университет машиностроения
8 (499) 267-16-40, philpsy2010@yandex.ru

Аннотация. Особенности изучения философии и социологии студентами технических специальностей обусловлены существенными различиями между данными дисциплинами и техническими дисциплинами. Изучение философии и социологии в техническом университете сопряжено с выбором особых форм и методов изучения в соотнесении с изучением технических дисциплин.

Ключевые слова: *технические специальности, технические дисциплины, техническое образование, гуманитарное образование, изучение философии, изучение социологии, культура студента, образование и общество.*

Философия и социология – дисциплины, занимающие важное место в процессе получения высшего образования студентами всех специальностей, в том числе технических. В то же время эти дисциплины очень по-разному воспринимаются студентами: от заинтересованного изучения философии и социологии до почти негативного к ним отношения, вплоть до отрицания их необходимости. Особенно наглядно разброс мнений и оценок характерен именно для студентов технических специальностей.

Многие студенты хорошо понимают значение философии и социологии, считают их условием повышения своего культурного уровня, расширения общих представлений о мире, природе, обществе, истории, науки. Такие студенты с интересом изучают гуманитарные предметы, готовят самостоятельные сообщения и доклады, активно участвуют в работе на семинарских занятиях, выступают на научных студенческих конференциях, пишут содержательные реферативные работы, читают дополнительную литературу, которая непосредственно не связана с их будущей профессией и, казалось бы, далека от их научных и учебных интересов...

В то же время, есть студенты, которым интересны только те предметы, которые необходимы по их будущей технической специальности. Вследствие чего занятия по дисциплинам философия и социология рассматриваются в качестве дополнительной нагрузки, выполнить которую они должны исключительно по причине обязательности учебной программы.

Причина такого отношения, с одной стороны, в специфике содержания самих дисциплин, с другой, заключается в особенностях менталитета молодых людей, их способностях, симпатиях и антипатиях. Такое явление – следствие формального отношения и упрощенного подхода студентов к собственному выбору будущей технической профессии. Отмеченные особенности имеют своё объяснение. Многие определяются собственными качествами молодых людей – их интересами, навыками, окружающей общественной средой, прошлой школьной подготовкой, уровнем и качеством полученных в школе знаний, в том числе – представлениями о будущей специальности.

Проблема изучения философии и социологии студентами технических профессий – комплексная проблема, включающая в себя разные элементы как объективного, так и субъективного порядка. Проблема усложняется ещё тем, что указанные элементы, связанные с изучением непрофильных дисциплин могут обладать ещё и своими самостоятельными и также неоднозначными смыслами и значениями.

Отмеченные особенности, к сожалению, часто связаны с недостатком важных и нуж-